

К вопросу об оценке речевой тактики автореабилитации при производстве судебной лингвистической экспертизы

 М.А. Осадчий

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», Москва 117485, Россия

Аннотация. Описан экспертный подход к анализу реализации в публичной коммуникации тактики автореабилитации, имеющей целью снизить вероятность правовой ответственности за публикацию, в том числе в форме репоста. Рассмотрены формы тактики автореабилитации, а также ее место в ряду других тактик ухода от правовых рисков. На примере конкретных экспертных задач обоснована важность различения типов автореабилитации для составления объективного заключения эксперта.

Ключевые слова: тактики ухода, правовые риски, тактика автореабилитации, призыв, репост, судебная лингвистическая экспертиза

Для цитирования. Осадчий М.А. К вопросу об оценке речевой тактики автореабилитации при производстве судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 4. С. 124–129. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-124-129>

Assessing the Speech Tactics of Self-Rehabilitation in Forensic Linguistic Analysis

 Mikhail A. Osadchiy

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow 117485, Russia

Abstract. The article describes an expert approach to the analysis of self-rehabilitation tactics used in public communication as a means of reducing the likelihood of legal liability for publication, including social media reposts. The author considers various forms that tactics of self-rehabilitation may take, as well as their place among other tactics of legal risk avoidance. Examples of specific expert tasks demonstrate the importance of distinguishing between different types of self-rehabilitation to ensure objectivity of the expert's conclusion.

Keywords: avoidance tactics, legal risks, self-rehabilitation tactics, exhortation, repost, forensic linguistics

For citation: Osadchiy M.A. Assessing the Speech Tactics of Self-Rehabilitation in Forensic Linguistic Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 124–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-124-129>

Законодательство, запрещающее определенные речевые действия (оскорбление, клевета, угрозу, призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти и вражды и т. п.), является системой предпосылок для наступления нежелательных последствий, каковым является наказание (уголовное, административное или иное). В этой системе координат носитель языка погружается в ситуацию постоянного риска. Автореабилитирующие высказывания представляются одной из речевых тактик стратегии ухода от правовых рисков. При коммуникативном событии речевая стратегия

реализуется набором речевых тактик, которые в свою очередь реализуются набором конкретных речевых ходов (способов) [1–4].

Управление правовым риском не отличается от управления любым другим типом риска и включает пять стадий: стадию идентификации риска, стадию оценки риска и стадию принятия решения о необходимости нейтрализации риска; в случае принятия положительного решения на третьей стадии актуализируются четвертая и пятая стадии, когда принимаются решения о степени нейтрализации риска и методах нейтрализации [5].

Наиболее сложной по составу решаемых задач является четвертая стадия алгоритма – принятие решения о степени нейтрализации риска. Проблематичность данного этапа состоит в столкновении двух идеалов эффективности, противостоящих друг другу. Идеал правовой эффективности, когда речь является абсолютно безопасной, вступает в противоречие с идеалом коммуникативной эффективности, когда в ходе взаимодействия достигаются коммуникативные цели (убедить, склонить на свою сторону путем дискредитации оппонента, побудить и т. д.). Таким образом, реализация стратегии второго порядка (уход от правовых рисков) затрудняет реализацию стратегии первого порядка, которая условно может быть названа персуазивной (убеждающей) стратегией, связанной с желанием говорящего оказать воздействие на адресата (систему его ценностей и/или поведение) [6–8].

Так, например, реализация стратегии ухода от правовых рисков, связанных с клеветой или оскорблением, осложняет реализацию персуазивной стратегии дискредитации, при этом полная эффективность при реализации стратегии ухода от правовых рисков влечет полную неэффективность при реализации персуазивной стратегии. То есть полностью безопасная речь – это речь неэмоциональная, безоценочная, не содержащая никакой отрицательной информации. Но такая речь, будучи безопасной в правовом смысле, является коммуникативно неэффективной, ибо, как правило, не способна оказать воздействие на аудиторию.

В этом состоит коллизия эффективности – явления, определяющего уровень сложности процесса управления правовыми рисками в речевой коммуникации. Задача, решаемая носителем языка, состоит в поиске баланса эффективности – идеальной пропорции рискованности и персуазивности (убедительности) высказывания, позволяющей относительно безопасно достигать коммуникативных целей.

Общая коммуникативная стратегия ухода от правовых рисков реализуется в частных коммуникативных стратегиях ухода от рисков совершения конкретных правонарушений. Что, в свою очередь, реализуется набором тактик ухода от правовых рисков. Конкретным речевым выражением тактики ухода от правовых рисков является *легевфемизм* – участок речевого континуума, вы-

строенный в соответствии с одной из тактик ухода от правовых рисков.

Термин *легевфемизм* вводится мной для обозначения эвфемистических субститутов, масочных, подменных конструкций, используемых носителем языка с целью нейтрализации конфликтогена – части формы или семантики высказывания, которая может стать поводом для преследования говорящего по закону.

Например: «Бывший директор был замечен в *странных делишках*» (легевфемизм *странные делишки* является полным субститутом конфликтогена, прямо указывающего на нарушение закона – был замечен в *подделке документов*, был замечен в *фальсификации результатов тендеров*, был замечен в *заключении незаконных сделок с фирмами-однодневками* и т. п.). То есть легевфемизм – это правовой эвфемизм.

Ранее было установлено¹, что в современной российской лингвокультуре набор вариантов ухода от правовых рисков является закрытым и универсальным для всех видов правонарушений и включает пять тактик.

1. Манифестация субъективности. На уровне намерения данная тактика характеризуется стремлением говорящего выдать передаваемую информацию за субъективное мнение, предположение. На уровне реализации тактика предполагает введение в высказывание экспликаторов модальной рамки субъективного мнения и предположения, передачу потенциально конфликтной информации рематической частью вопроса (*мне кажется, по моему мнению*).

2. Затемнение референта. На уровне намерения тактика характеризуется стремлением говорящего заменить прямые номинации косвенными. На уровне реализации тактика предполагает использование в высказывании намека (как регулярного, так и истинного), метафоры (в том числе расширенной метафоры, иносказания), квази-замещения и умолчания (*наш самый народный чиновник проворовался*).

3. Разорванная предикация. На уровне намерения тактика характеризуется стремлением говорящего нивелировать прямую связь между конфликтным признаком и носителем данного конфликтного признака. На уровне реализации тактика предполагает распределение признака и носителя

¹ Осадчий М.А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: дис. ... доктора филол. наук. Кемерово, 2012. 370 с.

данного признака, составляющих единый истинный смысл, по разным предложениям, формально имеющим самостоятельные предикативные ядра (*много развелось мошенников, нашим главным бухгалтером давно пора заняться*).

4. Деавторизация. На уровне намерения тактика характеризуется стремлением говорящего снять с себя авторскую ответственность за высказывание или ответственность источника информации. На уровне реализации тактика предполагает введение в высказывание специальных деавторизаторов, указывающих на неопределенное или нулевое авторство высказывания, нефиксированный источник информации (*поговаривают, где-то читал, что*).

5. Автореабилитация. На уровне намерения тактика характеризуется стремлением говорящего предвосхитить возможные правовые претензии и предъявить защитный аргумент заранее. На уровне реализации тактика предполагает введение в текст оправдательного высказывания, как правило находящегося в постпозиции относительно конфликтного высказывания.

Автореабилитирующие высказывания являются корректирующими высказываниями, которые при нормальных условиях коммуникации призваны отменить нежелательную семантику, ведущую к нежелательному перлокутивному эффекту, и наделить высказывание новой семантикой, отвечающей интенциям говорящего. Приведем примеры корректирующих высказываний.

Пример 1. «У нас очень коррумпированная организация. *Я вас лично не имею в виду*». [Я не имею в виду других лиц.]

Средство: дополнение высказывания.

Пример 2. «В отношении меня директор совершил акт насилия. Под насилием я подразумевала то психологическое давление, которое мне пришлось выдержать». [Я не имела в виду насилие в другом смысле.]

Средство: замена части высказывания (смысла одного компонента).

Пример 3. «Я воспроизведу высказывание депутата дословно, это не мое высказывание...» (далее текст, содержащий сведения о нарушении закона).

Автореабилитации могут быть проспективными и ретроспективными. Примеры 1 и 2 – ретроспективные высказывания, 3 – пример проспективной автореабилитации,

где средство нейтрализации конфликтогена локализовано в начале высказывания.

В судебно-экспертной деятельности мы четко разводим фактический умысел участников коммуникации, который не является фактом лингвистики и предметом судебной лингвистической экспертизы, и коммуникативную интенцию, составляющую иллокутивный компонент семантики высказывания, выводимый из самого высказывания и условий коммуникации.

Автореабилитирующие высказывания отменяют опасную семантику высказывания, заменяя ее на новую – безопасную для автора. Коррекции может подвергаться как иллокутивная семантика (информация о намерениях говорящего: *Я не хочу сейчас никого обидеть...*), так и локутивная (коррекция смысла конкретного компонента высказывания: *Говоря так, я имею в виду не X, а Y*). В 4-м примере высказывания сочетаются оба средства, в высказывании 5 реализована лишь корректировка семантики высказывания без корректировки интенции.

Пример 4. «Мы провели мониторинг успеваемости в области, в ходе которого установлено, что самая низкая успеваемость у нас в селах Беловского района. Хочу обратить особое внимание на чрезвычайно низкую успеваемость в селах компактного проживания телеутов. (пауза) *Я не хочу сказать, что сами ребята неспособны, просто сам факт вызывает у меня удивление, ведь этим школам в последние годы выделялось значительно больше средств по программе поддержки коренных малочисленных народов. Почему количество финансирования не переросло в качество, будем выяснять*».

Отменяемая интерпретация: пропаганды неполноценности телеутов как этноса. Средство: отмена интенции, декларирование новой интенции, дополнение высказывания новыми данными.

Пример 5. «Сегодня статистика говорит о том, что значительная часть преступлений в районе совершается всеми этими якобы не существующими киргизами, узбеками, таджиками. (пауза) *Хотя так говорить неправильно. Назовем их гражданами, находящимися на территории РФ нелегально*».

Отменяемая интерпретация: приписывание группам лиц, выделяемым по национальному признаку, совершение преступле-

ний. Средство: отмена части высказывания, замена части высказывания.

В 6-м примере высказывания автореабилитация реализуется только средствами замены конфликтогена на неконфликтный компонент. В данном случае отсутствует отмена наказуемой интенции (*Я не хотел никого оскорбить*), а также декларирование новой интенции (*Я говорю в целом, не имею в виду кого-то конкретно*).

Пример 6. «Если ваш помощник дурак... Простите, погорячился. Если какой-то человек не вполне компетентен, то и не нужно его брать на работу. Сами виноваты».

Выше проанализированы примеры, которые можно условно назвать *истинными автореабилитациями*. Однако часто в экспертной практике мы встречаем автореабилитирующие высказывания другого типа, назовем их *ложными автореабилитациями*.

Высказывание 7 содержится на фото листовки, размещенной на странице пользователя социальной сети путем репоста, сопровождаемым комментарием пользователя:

Пример 7. Репост: «Брось ходить на митинги и начинай действовать! <...> Выведи из строя транспорт (указана социальная группа). <...> Если вы знаете, где живут (указаны представители социальных групп) уничтожайте их имущество тоже. Оно куплено на украденные у вас деньги. <...> Распространяйте эти или свои листовки в других районах и городах, вовлекайте в борьбу своих друзей».

Комментарий пользователя: *Я ни к чему не призываю, я просто делюсь фотографией*.

Перформативные призывные формулы с общим отрицанием уже становились предметом анализа в литературе по судебной лингвистике. Так, профессор А.Н. Баранов в работе 2007 г. [9, с. 435] указывает, что «введение общего отрицания в эксплицитную перформативную формулу снимает иллюзию призыва». Анализ экспертной практики позволяет предположить, что в отношении данного правила должно быть введено ограничительное условие: сказанное справедливо только для случаев так называемой искренней коммуникации.

Существует принципиальное отличие взятого для анализа автореабилитирующего высказывания (пример 7) от приведенных выше истинных автореабилитаций. В примерах 1–6 одновременно с отменой наказуемой интенции говорящим производится изменение семантики высказывания – так, чтобы новая семантика высказывания соответствовала новой декларируемой (или не декларируемой, но считываемой) интенции.

В примере 7 интенция побудить адресата речи к действиям прямо восстанавливается из текста листовки и условий коммуникации (публичное демонстрирование на странице пользователя социальной сети в форме репоста), то есть данная наказуемая интенция полностью соответствует семантике текста. В комментарии в репосту совершается отмена наказуемой интенции (*Я ни к чему не призываю*) и декларирование новой интенции (*я просто делюсь фотографией*). При этом очевидно, что новая декларируемая интенция входит в противоречие с текстом, к которому трудно применить термин «фотография», да к тому же которой можно «просто делиться». Текст листовки явно не такого свойства.

Игровой характер этого автореабилитирующего высказывания подчеркивается еще и тем, что оно, формально отменяя наказуемую интенцию (*призываю*), фактически подчеркивает данную интенцию абсурдностью новой интенции (*просто делюсь*), очевидно идущей вразрез с содержанием текста.

Возможные варианты истинной автореабилитации в данном случае могли бы основываться на отмене какого-либо компонента текста листовки – например, модальности долженствования (*Я никого ни к чему не призываю, так делать не нужно, не стоит*), замене какого-либо компонента текста листовки – например, действий, к которым совершен призыв (*Автор прав, что надо бороться с зарвавшейся властью, но все же стоит оставаться в рамках закона, а не развязывать гражданскую войну*).

Другим объектом экспертного анализа стала книга, посвященная вопросу о несовместимости двух этносов и необходимости борьбы с этносом-врагом. Одному из этносов приписывается совершение преступлений, убийства, геноцид, вредительство в отношении представителей другого этноса. В тексте обосновывается необходимость депортации, дискриминации по

национальному признаку. В финале книги автор сообщает: *В тексте часто употребляется слово «борьба», автор имеет в виду борьбу в рамках закона – политическую, идеологическую и экономическую.*

В данном случае уточненное содержание слова *борьба* не симметрично действиям, позиционируемым как мотив борьбы, а также самим методам борьбы, описанным в основной части книги. То есть декларируемая интенция не поддержана корректировкой семантики текста.

Таким образом, важнейшее свойство истинной автореабилитации состоит в том, что декларирование новой интенции поддерживается корректировкой смысла высказывания, то есть сохраняется когерентность компонентов речевого акта: иллокуции и локуции.

В случае ложной автореабилитации данный принцип когерентности нарушается: декларируемая иллокутивная сила не соответствует высказыванию, то есть в этом случае мы имеем дело с аномальным речевым поведением, в ходе которого не выполняется условие искренности. Условие искренности является одинаково важным как для речевого акта призыва, так и для речевой отмены призыва.

В экспертной практике истинные автореабилитации, по всей видимости, должны приниматься во внимание как важные компоненты речи, дающие возможность эксперту всесторонне и объективно оценить коммуникативную направленность текста с учетом выраженной позиции автора, ко-

торая может полностью или частично нивелировать признаки преступления. В то время как ложные автореабилитации могут рассматриваться как элементы, подтверждающие наличие у автора противозаконной интенции.

В конце хотелось бы остановиться на одном частном соображении, касающемся различий в оценке автореабилитирующих высказываний в устной и письменной речи. Устная речь, как известно, характеризуется континуальностью. Невозможно отмотать время назад и заменить сказанное слово на другое, поэтому использование в устной речи автореабилитирующих высказываний довольно обычно и оправданно.

По всей видимости, иначе следует относиться к автореабилитирующим высказываниям в письменной речи: ведь автор вместо автореабилитации имел возможность внести корректировки в текст на этапе его редактирования. Случаи использования автореабилитирующего высказывания вместо корректировки письменного текста должны, на мой взгляд, оцениваться все же как ложные автореабилитации. Исключения могут составлять случаи перепостов, когда вторичный распространитель не может редактировать распространяемый текст и может лишь добавить от себя комментарий.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / 8-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2017. 308 с.
2. Казанцева Е.А. Особенности стратегий и тактик речевого воздействия в современном образовательном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 317–319.
3. Николаева А.В., Ляшенко Н.А. Реализация речевых стратегий и тактик в рекламных текстах // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 147–157. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2017-63-4-147-157>
4. Самойленко Л.В. К вопросу о речевых стратегиях и тактиках фатической коммуникации *internet relay chat* // Гуманитарные исследования. 2009. № 2 (30). С. 114–118.
5. Живетин В.Б. Введение в теорию риска (динамических систем). М.: Институт проблем риска, 2009. 448 с.

REFERENCES

1. Issers O.S. *Communicative strategies and tactics of the Russian language*. 8th ed. Moscow: URSS, 2017. 308 p. (In Russ.)
2. Kazantseva E.A. Features of persuasion strategies and tactics in modern educational discourse. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018. No. 2 (80). Part 2. P. 317–319. (In Russ.)
3. Nikolaeva A.V., Lyashenko N.A. Realization of speech strategies and tactics in advertising texts. *The Humanities and social sciences*. 2017. No. 4. P. 147–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2017-63-4-147-157> (In Russ.)
4. Samoilenko L.V. Looking at the speech strategies and tactics of phatic communication found on *Internet Relay Chat*. *Humanitarian researches*. 2009. No. 2 (30). P. 114–118. (In Russ.)
5. Zhivetin V.B. *Introduction to risk theory (dynamic systems)*. Moscow: Institute of risk problems, 2009. 448 p. (In Russ.)

6. Голоднов А.В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия Филология. 2008. № 4 (18). С. 113–125.
7. Gudkova K.V. Linguistic analysis of argumentation strategies in persuasive discourse // Коммуникативные исследования. 2007. № 4 (14). С. 83–89. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2017.4.83-89>
8. Лобке В.Е. Реализация персуазивной стратегии аргументирования в социальной рекламе Германии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2016. № 180. С. 46–51.
9. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. Учебное пособие. М.: Флинта-Наука, 2007. 592 с.
6. Golodnov A.V. The persuasive strategy in text-formation in the rhetorical discourse. *Bulletin of the Leningrad Pushkin State University. Philology Series = Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya Filologiya*. 2008. No. 4 (18). P. 113–125. (In Russ.)
7. Gudkova K.V. Linguistic analysis of argumentation strategies in persuasive discourse. *Communication studies*. 2007. No. 4 (14). P. 83–89. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2017.4.83-89>
8. Luebke V.E. Manifestation of the persuasive argumentation strategy in the German social marketing. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2016. No. 180. P. 46–51. (In Russ.)
9. Baranov A.N. *Forensic linguistic analysis of the text: theory and practice. Study guide*. Moscow: Flinta-Nauka, 2007. 592 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осадчий Михаил Андреевич – д. филол. н., проректор по науке Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина;
e-mail: osadchij@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Osadchiy Mikhail Andreevich – Doctor of Philology, Vice Rector for Research of the Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: osadchij@mail.ru